

Е II 11971.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Д. Сушкова.

ПЕРВАЯ КНИЖКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1838.

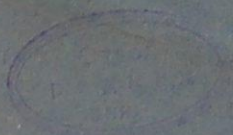
UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

C1767

PHYSICS

1978

13416

1950. 6. 6. 11971

СТИХОТВОРЕНИЯ

Дмитрія Сушкова.

ПЕРВАЯ КНИЖКА.

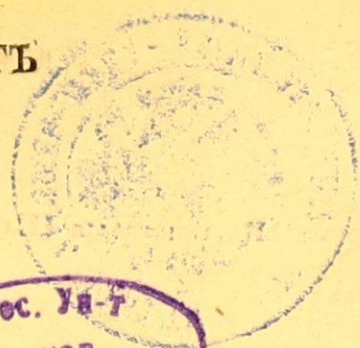
САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1838.

*Магдальна Шкеева
Воттова 1878.
Мену Мишленца*

30955

№ 1838

Дем. Гес. Ун-т
Научная
Библиотека им.
Горького

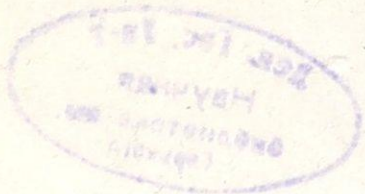
Handwritten notes in cursive script, including the number 2121.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный-Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. 12-го Августа 1838 года.

Ценсоръ *А. Никитенко*.

Въ типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи.

30022

La poésie, c'est le livre du coeur!...

С1767

Handwritten text in a cursive script, possibly a signature or a list of names, located on the left edge of the page.

С 1767

*Тебѣ! тебѣ! — колѣнопреклоненный,
На твой алтарь, кладу стихи мои;
Вездѣ, всегда тобою вдохновенный,
Я пѣлъ тебя: и пѣсни всѣ твои!
Прими-же ихъ! онѣ тебѣ не чужды;
Ты въ нихъ прочтѣшь сердечный, тяжкій стонъ;
Въ хвалахъ толпы тому нѣтъ нужды,
Кто можетъ быть тобою оцѣненъ!*

* * *

*Прими-же ихъ! ты въ нихъ увидишь ясно,
И первый дѣвственный разгаръ,
И первый пылъ любви напрасной
И страсти роковой губительный пожаръ;
Ты въ нихъ прочтѣшь сердечныя печали,
Преданья тѣмной старины,
Былова тягостныя сны —
Любви и ревности скрижали.*

* * *

Ты въ нихъ найдёшь проклятья и угрозы,
Воспоминанья прошлыхъ лѣтъ
И муки, и тоску, и радостныя слёзы:
Всё, чѣмъ страдалъ, чѣмъ тѣшился поэтъ.
И если ты, хотя случайно,
Надъ пламеннымъ стихомъ, вздохнёшь порой
ночной,
Повѣрь: услышу я вздохъ тайной
И помирюсь тогда я съ матихой — судьбой.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Бывають дни: къ гармоніи небесной
Настроена невольно вся душа,
И намъ въ подсолнечной и тяжело и тѣсно,
И намъ земля тогда не хороша.
Душа кипитъ священнымъ вдохновеньемъ,
Она горитъ отъ пламени страстей,
И неразгаданнымъ, невольнымъ увлеченьемъ
Чуждается и свѣта и людей.
И силится съ землёю распрощаться,
Сквозь вѣчность, въ край небесный за-
глянуть,
И высоко полетомъ крыль подняться
И въ родинѣ избранныхъ отдохнуть.
И зрятся ей незримыя видѣнья,
И полная восторговъ неземныхъ
Она въ тотъ часъ святыхъ вдохновенья,
Въ страдальческій преобразуетъ стихъ.

ЗАМОГИЛЬНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Памяти Булгакова).

Я помню, какъ тяжкимъ недугомъ страдая,
Не ждавъ исцѣленья, со смертью въ груди,
Мой бѣдный товарищъ, любовь проклиная,
Не разъ говорилъ ты: «страшися любви!»

«Любови-ли чистой, любви священной,
На ветхой, на грязной землѣ обитать,
И даръ свой сердечный, душѣ драгоценной,
Предъ дѣвой земною съ мольбой расточать?»

Любовь — это перло не здѣшняго міра,
Небесная манна, съ мастикой сосудъ,
Вся святость избраннаго нами кумира,
Вся дѣвственность мысли, хвала, а не судъ!

«Любовь — это дума, мечта, упоенье,
Блаженный, блестящій, роскошный обманъ,
Восторгъ неизмѣнный, порывъ, сновидѣнье,
Плѣнительный призракъ, бѣглець лучшихъ
странъ.

« Любовь — это ангель съ златыми крылами,
 Взлелѣанный въ сердцѣ, вскормлѣнный втиши,
 Но вмигъ обольститъ онъ коварства мечтами,
 Кольцомъ обовѣется, какъ змѣй, вкругъ души.....

« Не вѣрь-же любви! — Свои вдохновенья
 На жертвенникъ лживый, ты въ даръ не клади;
 Твой идолъ блестящій — земли порожденье:
 Предъ нимъ не кручинься, ему не кади!

« Сперва увлечёшься коварной мечтою,
 И сердце и разумъ за-разъ очертя,
 Ты въ омутъ бездонный, отважной душою,
 Съ какимъ-то восторгомъ повергнешь себя.

« А тамъ ты узнаешь терзанія ада,
 Бессонницу, ревность, безсильную злость....
 Не видно приманки, исчезла награда,
 Лишь муки остались, чтобъ на сердцѣ взрость

« Страшися, страшися любви вдохновенной,
 Избытка чувствъ пылкихъ, товарищъ страшись!
 Холоднымъ, суровымъ ты будь неизмѣнно —
 Предъ «созданнымъ богомъ» съ тоской не молись.

« Ребѣнокъ!... ты ищешь отвѣта на чувство;
 Себѣ отголосокъ ты мыслишь найти;

Но въ мірѣ разврата одно есть искусство,
А чувства прямаго нельзя обрѣсти.

« Смотри, какъ изсохъ я, какъ тяжело страдаю,
Какъ, юному, близокъ мнѣ жизни предѣль;
Въ проклятыяхъ и мукахъ теперь изнываю; —
Мечтатель! учися! Вотъ страсти удѣль! »

И тихо угасъ ты, заснулъ сномъ глубокимъ,
Потухъ, какъ лампада въ полночной тиши —
Страдалецъ! разстался ты съ чувствомъ высокимъ,
Съ послѣднимъ порывомъ прекрасной души!

Едва лишь почелъ ты, едва отозвался
Твой голосъ печальный, послѣдній завѣтъ,
Какъ въ сумрачномъ сердцѣ наказъ не остался...
Любови безумной гремѣль ужъ привѣтъ!

И съ бодростью новой, всей силой желанья,
Душа устремилась въ невѣдомый путь;
Уста лепетали невольно признанье,
И стало мнѣ сладко и тяжело вздохнуть!

Но радость съ душою, увы! не сдружилась,
А жизненной нити ужъ стнило звено,

И черною кровью вмигъ сердце облилось,
И въ выси надзвѣздной гремитъ: «свершено!»

Сбылися, усопшій, твои предреканья ;
Настигнуть я рокомъ, упаль я душой,
И въ жизни мнѣ этой знать только страданья,
Не знать, что блаженство, не знать, что покой.

Пускай я настигнуть удѣломъ печальнымъ,
Пусть жребій назначилъ мнѣ тяжкій конецъ,
И поступью тихой, съ челомъ погребальнымъ,
Смерть, близясь, подносить свой хладный вѣнецъ.

Пусть вельно свѣше мнѣ вѣчно крушиться,
Но буду однимъ-же и тѣмъ-же всё я,
По прежнему стану страдать и молиться,
Какъ жрецъ, я пребуду у ногъ алтаря.

Умчались годы!... Надъ мною несѣтся
Твой голосъ печальный, послѣдній завѣтъ,
И мнится, порою еще раздаётся:
«Страшися любви, страшися, поэтъ!»

СТАНСЫ.

Люблю я небо голубое,
Когда безоблачно оно
И солнце пышное, златое,
Какъ-бы ныряетъ въ немъ одно.

Люблю его ночной порою,
Когда, безмолвствуя, всё спитъ
И лишь, надъ спящею рѣкою,
Луна лампадою горитъ.

И въ небѣ чистомъ, въ небѣ ясномъ,
Невольно мнится, вижу я,
Тѣ дни, когда весь міръ прекраснымъ
Въ мечтахъ казался для меня.

Люблю я ложе водъ пространныхъ,
Шумящій, бурный океанъ,
Гроза гостей своихъ незваныхъ
Златолюбивыхъ Англичанъ.

Люблю его, когда мгновенно,
Онъ въ берегахъ своихъ стоитъ,

И вмѣсто бѣлой, бурной пѣны,
Лишь волны свѣтлыя струить.

И мнится мнѣ, что это море
Эмблема жизни той порой,
Когда забывъ любовь и горе,
Мы вѣкъ оканчиваемъ свой.

Но я восторженъ, какъ задуеть
Вдругъ разъярённый ураганъ
И волны мутныя взбушуетъ
Сердитый, грозный океанъ,

Но мнѣ милѣй гроза природы,
Но мнѣ милѣй гроза морей
И зрю я въ буряхъ непогоды
Изображеніе страстей,

И мнится: въ бурномъ завываньѣ,
Въ раскатахъ грозно-громовыхъ,
И въ ярко-огненномъ блистаньѣ
Читаю повѣсть дней моихъ.

С К А Л А.

Кормчій! кормчій! что предъ нами?
— Всё вода, да небеса,
Лишь вдали передъ глазами
Тамъ мелькають паруса.

И рѣя отважно надъ грозной пучиной,
Пловучая крѣпость летить по волнамъ;
А сердце тѣснится невольной кручиной:
Взгрустнулось по дальнимъ, роднымъ берегамъ.
Спокойно и тихо безбрежное море,
И вскормленникъ бури быстрѣй всё плывётъ,
Гуляетъ, могучій, на вольномъ просторѣ,
Надъ моремъ смѣется и бурю зовётъ.

Кормчій! кормчій! взглянь-ка зорко:
Не видать-ли что вдали?
— Лишь безбрежность видать око.....
Что-же дальше? — корабли.

И грудью широкой, валы разбѣгаясь,
Бѣгутъ другъ-за-другомъ, бѣгутъ и бѣгутъ,

Въ алмазные брызги порой разсыпаясь,
 Порою изъ бездны столпъ влажный влекутъ,
 Безгранное небо спокойно, прекрасно,
 Раскинувъ надъ моремъ шатёръ голубой.
 Блестить, какъ надежда надъ бездною опасной,
 Въ безмёрности спорить съ пучиною морской.

Кормчій! кормчій! ну, живѣе!
 Не видать-ли что? всмотрись.
 — Видны флаги, тамъ, лѣвѣ;
 Разомъ будемъ, не страшись.

И снова, играя съ коварной пучиною,
 Корабль всё стремится по быстрымъ волнамъ;
 За чѣмъ-же ты, сердце, стѣснилось кручиной?
 За чѣмъ умъ далъ волю печальнымъ мечтамъ
 Домчались.... И что-же? Скала предъ глазами;
 Въ бездонную пропасть вѣдрилась она,
 И ратуетъ смѣло съ грозой и волнами
 И будто презрѣшемъ къ величью полна.

Привѣтъ тебѣ, скала изгнанья,
 Краснорѣчивая скала,
 Гдѣ каждый лоскутъ — мѣръ мечтанья,

Гдѣ громкой славы обаянья
Земля на вѣки погребла!

Гляжу, съ нѣмымъ благоговѣньемъ
На грани мрачныя твои,
И непритворнымъ вдохновеньемъ
Мечты проникнуты мои.

Въ мечтѣ игривой, своенравной
Встаётъ бывшее предо мной,
И вотъ предсталъ Гигантъ державный,
Блеснулъ кровавою зарёй,

Но нѣтъ, могучаго былова
Умчалъ Гиганта ураганъ,
И не взойдётъ заря та снова,
И не воскреснетъ великанъ!

Сбылись Европы ожиданья:
Осиротѣлъ безмолвный міръ;
Среди безславнаго страданья
Погибъ увѣнчанный кумиръ.

Разбитъ на вѣки жезлъ побѣдный,
Лежитъ въ пыли мечъ боевой

И ужь истлѣль въ землѣ сырой
Преемникъ власти, сынъ твой бѣднѣй!

Къ чему-жъ бывшее вызывать?
Давнопрошедшею кручиной
За чѣмъ судить полѣтъ орлиный?
За чѣмъ могилу вопрошать?

Ты жажду славы и стяжанья
Безславной смертью искупилъ,
Мы помнимъ генія страданья
И со слезами покаянья
Мы предъ славнѣйшей изъ могилъ.

Твои намъ памятни оковы,
Твое величье — и скала;
И Альбіона сынъ суровый
Въ отлату пѣлъ твои дѣла....

Объ ней звучалъ нашъ геній юный,
Младой, возвышенный поэтъ,
Какъ раздались впервые струны,
Какъ жадно вслушивался свѣтъ!....

Её поютъ пѣвцы другіе,
И день-отъ-дня, изъ-вѣка въ-вѣкъ

Твои поминки роковыя
Свершить тоскливо человекъ.

Не саркофагъ гробницей славной
Твою могилу бременить
И твой Орёлъ, ещё державный,
Надъ нею стражемъ не парить :

Тебя гранить лишь покрываетъ,
Но ты утѣшься о, герой!
Твой гробъ безъ надписей блистаетъ
На нёмъ лучъ славы вѣковой.....

Кормчій! кормчій! эй, проворно
Распусти ты паруса!
Сердце ноетъ такъ упорно.....
Гдѣ-жь кипучихъ волнь краса?
Гдѣ-жь родныя небеса?

ПОЭТЪ.

Не пышный пиръ, не праздникъ шумный
Къ себѣ поэта приманить ;
Не вихорь свѣта, вихрь безумный
Поэта взоры покоритъ.
Смѣется онъ надъ суетою,
Ему противень всякій шумъ
И между пѣстрою толпою,
Онъ вѣкъ задумчивъ и угрюмъ ;
Глаза не радостью блистаютъ,
Не говорливъ, не весель онъ ;
Но далеко мечты гуляютъ.....
Но въ бездну думъ онъ погружёнъ.....
Воспоминаній рой унылый
Повисъ надъ скорбною душой,
И сны , чарующею силой
Влекутъ, несутъ его съ собой,
Туда — куда не достягаетъ
Своею мыслью праха сынъ,
Гдѣ Геній творчества витаетъ,
Куда путь сокровенный знаетъ

Изъ земнородныхъ онъ одинъ!...
Туда! въ страну очарованій,
Гдѣ всё гармонія, гдѣ свѣтъ,
Гдѣ оргій нѣтъ, гдѣ нѣтъ желаній
Гдѣ только вѣчность — и поэтъ! —
Тамъ, тамъ въ отчизнѣ неизвѣстной,
О коей здѣсь остался слухъ,
Какъ эхо музыки небесной,
Какъ отъ ароматовъ только духъ, —
Тамъ, тамъ святое вдохновенье
Нисходитъ на тебя поэтъ,
Чтобъ людямъ пѣль ты въ поученье,
Чтобъ имъ въщаль, какъ брѣненъ свѣтъ!

РАЗДУМЬЕ.

Громъ грохочетъ, ливня льётся

Дождикъ, будто изъ ведра ;

Молнья яркая несётся,

Не бѣлется гора !

Не видать въ дали безбрежной,

Не видать, старикъ, тебя,

Эльбрусъ дальнй, бѣлоснѣжной,

Ты незримъ сталь для меня.

Только на земь упадаетъ

Дождикъ шумною волной,

Только молнйя сверкаетъ

Красно-жѣлтой полосой.

Грусть мнѣ на сердце запала ;

Столковалось, сердце, ты,

Шибко, шибко застучало

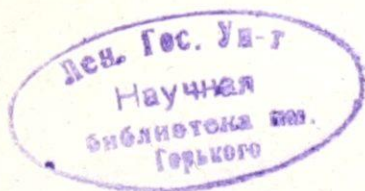
И зароились мечты.

Что-жь тоски твоей причиной ?

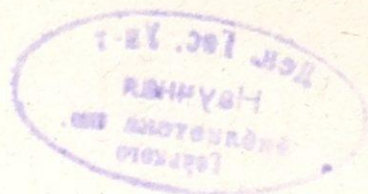
Что-жь, взгрустилося, скажи ?

Что томить тебя кручиной ?

Отзовися, укажи !

Тучи чёрныя ужели,
Обложивши небеса,
Мракомъ вдругъ тебя одѣли,
Какъ угрюмые лѣса?
Али конь степной и дикой,
Черногривой, удалой
Душу обвилъ повиликой,
Потому, что онъ не твой?
Аль пронёсшійся бураномъ,
На лихомъ на скакунѣ,
Полнь отваги съ ятаганомъ,
И съ колчаномъ на спинѣ,
На груди съ стальной кольчугой,
Съ шашкой грозной при бедрѣ,
Возмутилъ тебя, сынъ юга,
Зависть съя на тебѣ?
Быстролётнымъ приближеньемъ
Испугалъ тебя-ли онъ,
Какъ стремился онъ къ селеньямъ,
Похищать дѣтей и жёнъ?
Аль Черкешенка младая,
Изъ аула выходя,
Взглядомъ огненнымъ сверкая,
Ужь не зглазила-ль тебя?

— Нѣтъ, не тучей цвѣтъ печальной
 Грусть навѣялъ тихо мнѣ,
 Не питомецъ степи дальной
 Мнѣ приснился въ жаркомъ смѣ;
 Не Черкесь, — рубака славный,
 Душу робостью мнѣ сжалъ,
 И не взоръ — инымъ державный
 Злой кручиной оковалъ!
 Всё не то! — Воспоминанья
 Такъ и роятся ко мнѣ,
 Шлютъ заветныя мечтанья
 О недавной старинѣ.
 Вспоминаю я бывшее,
 Память прошлыхъ, чудныхъ дней,
 Время, сердцу дорогое,
 Время удали моей.
 Вспоминаю взглядъ я жгучій
 Дѣвы юной, неземной,
 И горю душой кипучей
 При той мысли роковой.
 Вспоминаю сѣверъ хладный,
 Мой морозный, вьюжный край,
 Моря плескъ, — душѣ отрадный,
 Обътованный мой рай.

Вспоминаю милой дѣвы

Ножку, голосъ, станъ и взглядъ,

И унылыхъ: «гдѣ вы, гдѣ вы?»

Лепечу я цѣлый рядъ. —

Громъ грохочетъ, ливня льётся

Дождикъ, будто изъ ведра;

Молнья яркая несётся,

Не бѣлется гора.

Только на земль упадаетъ

Онъ шумящею волной,

И вдали она сверкаетъ

Огневою полосой!

НОВГОРОДЪ.

Согбенный лѣтами; но гордый понинѣ,
Лазурью небесной повсюду покрытъ,
Стоить предо-мною въ широкой равнинѣ,
Какъ будто отпавшій огромный гранитъ,—
Градъ нѣкогда мощный, богатый, державный
Теперь-же безсильный, теперь-же безславный!

Повѣдай мнѣ, старецъ, твои всѣ преданья,
Разказы дней прошлыхъ, дней славы твоей,
И смѣля вызвавъ на часъ воспоминанья,
Явись на мгновенье душѣ ты моей.
Въ величїи древнемъ времени незабвенныхъ,
Когда украшалъ ты Литовцевъ надменныхъ.

Повѣдай мнѣ, старецъ, какою судьбою
Одинъ устоялъ ты противу Татаръ,
Одинъ не поникнулъ предъ ханомъ главою,
И злато за жизнь не послалъ ему въ даръ;
Какъ вражьему мщенью, ты буйный, смѣлся,
Какъ гордый и мощный, ты Русскимъ остался.

Повѣдай мнѣ, старецъ, когда раздавался
 Мязежнаго вѣча звонъ громкій, густой,
 И шумно на площадь народъ твой стекался,
 Волнуясь, какъ море предъ сильной грозой:
 Ужели всегда ты, во мнѣняхъ согласный,
 Не вѣдалъ ни распри, ни смуты опасной?

Повѣдай мнѣ, старецъ, какимъ ослѣпленьемъ
 Противъ Іоанна ты мнилъ устоять,
 Какъ грозному смѣлъ ты крамольнымъ
 презрѣнемъ
 На вызовъ всеильный войной отвѣчать,
 Какъ палъ ты, какъ рухнулъ ты съ гуломъ и
 трескомъ,
 Простившись на вѣки съ величьемъ и блескомъ.

Но тщетны вопросы! Орломъ осѣненный,
 Забывши и славу, забывши и плѣнь,
 Стоишь ты, всё также, всё также надменный,
 И нѣтъ мнѣ отвѣта отъ каменныхъ стѣпъ!
 И Волховъ твой бурный, сребримый луною,
 Тебя подмываетъ, какъ прежде, волною!

VIII.

ЭЛЕГІЯ.

Не вѣрю больше я надеждъ,
Но въ сердцѣ таже всё любовь,
И то, что волновало прежде,
Меня взволнуетъ нынѣ вновь!

Прошли, какъ дымъ, мечты и счастье,
На мнѣ легла судьбы рука —
Души исчезло сладострастье,
Осталась мнѣ одна тоска!

Кчему-жъ пустое сожалѣнье?
Что ужъ прошло, то не придѣтъ...
Но сердца муки и волненье
Едва-ли время унесѣтъ!

ДВА ЧУВСТВА.

Два чувства есть: между собою слиты,
Они путём всегда однимъ идуть;
Они равно развязки тихо ждуть
Они равно для чуждыхъ думъ закрыты.

Одно изъ нихъ — небесъ блаженный даръ,
Дитя мечты, виновникъ вдохновенья: —
То дѣвственный, невнятный сердца жаръ,
То вскормленникъ бытъ-можетъ заблужденья.
Судьбою грозною въ душъ заронено,
Оно намъ радостью, восторгомъ, утѣшеньемъ,
И нити жизненной крѣпчайшее звено
Оно связуетъ насъ съ житейскимъ тревоженьемъ.
И чувство то любовью мы зовёмъ;
Съ ней въ небеса отъ праха улетаемъ,
Высокое душою понимаемъ
И жизнью двойственной живёмъ.

Другое чувство есть — пронзительный печали
Губительный тоски, и бури, и огня:

То оскорблённое, поруганное я,
 То мнимое пятно на жизненной скрижали.
 Мечты привычныя оно собой гнетётъ,
 Страшится призраковъ, виднѣй небывалыхъ,
 И муки вымысливъ, ихъ манить и зовётъ,
 Какъ-бы ночлегъ прохожихъ запоздалыхъ.
 Клокочетъ на сердце растопленный металлъ,
 Уста поблѣкшія проклятья извергають
 И съ отвращеньемъ отвергають
 Любовной сладости и горечи фіаль.

И *ревность* чувство то! Она въ груди бушуетъ,
 Какъ лава и огонь она въ душѣ кипитъ,
 Какъ лава и огонь она её мертвитъ ,
 И бѣдная душа крушится и тоскуетъ:
 Упрѣкъ напрасный затая,
 Не смѣетъ высказать своей смиренной пѣни,
 Предъ гордымъ божествомъ повергшись на колѣни
 Себя, а не его виня.

Но если праведно она заклокотала,
 Но если не вотще ревнивая тоска,
 И съ вѣроломства покрывало
 Сняла дрожащая рука, —

Тогда прости, любовь! съ глазъ сброшена повязка;
Сльпецъ прозрѣль, отвергши страхъ и лестъ
Въ замѣнь любви въ душѣ лелѣеть мечь
И восточный кинжалъ той повѣсти развязка.

ПРИЗНАНИЕ.

К чему слова? ... они напрасны!
Я слишком долго уж тайль,
Что вы божественны, прекрасны,
Что васъ невольно полюбилъ. —
К чему слова? и такъ я знаю,
Что васъ признаньемъ разгнѣлю;
Но что же дѣлать? ... повторяю:
Я въ васъ влюблѣнъ, я васъ люблю!....
Когда-бъ не сильныя страданья,
Повѣрить можете мнѣ въ томъ,
Вы не исторгли-бы признанья,
Вы не слышали-бъ о нёмъ;
Но я страдаю, я терзаюсь,
Не въ силахъ боль я молчать.....
Но не сердитесь! ... я каюсь:
За-чѣмъ васъ тщетно волновать?
Къ себѣ пустое сожалѣнье,
Быть - можетъ въ васъ я поселю;
Но не могу привести въ томленье,
Но не услышу я: « люблю! »

ОТВѢТЪ.

Сестръ Графиня Е. П. Ростопчиной.

Напрасень страхъ, повѣрь мнѣ, твой
За голось свѣтлыхъ вдохновеній,
За жаръ души неподкупной,
За мой восторгъ всегда живой,
За святость дѣвственныхъ видѣній ;
Не вѣрь ему..... напрасень онъ,
Не обольщусь я суетою,
И честолюбыя гордый сонъ
Не свыкнетъ съ пламенной мечтою.
Поклонникъ Музъ, искусства жрецъ,
Не чуждый можетъ - быть и страсти,
Завиденъ Тассовъ мнѣ вѣнецъ ;
Но не завидую я власти.
Нѣтъ, не прельститъ меня она,
Мишурный блескъ я разгадаю ;
Отброшу злыя сѣмена
И передъ ней я не растаю.
Нѣтъ, не вотще огонь святой

Въ груди измученной пылаетъ,
Зародышъ мысли вѣковой
Съ заботой тайной согрѣваетъ; —
Судьбою, вѣрю, дастся мнѣ
Извѣдать творческую силу,
Сгорѣть въ божественномъ огнѣ
И слечь не въ позднюю могилу.

ОТРИНУТЫЙ ПОЭТЪ.

Когда любви непризнанной мученья,
Поэтъ отринутый почувствуетъ въ крови —
Онъ проклянётъ минувшія волненья,
Восторги бурные любви!
Уразумѣть онъ тщету всего земнаго,
И лишь тогда душой постигнетъ онъ,
Что въ свѣтъ нѣтъ прекраснаго, святаго,
Что всё возвышенное — сонъ!
И горестна ему утрата всѣхъ желаній,
Надеждъ несбывшихся обманъ,
И поневолю жаль покинутыхъ мечтаній,
Первоначальныхъ сердца ранъ.

Но скорбь высокую онъ на сердце схоронить,
Не вынесетъ её онъ міру на показъ;
Отчаяньемъ своимъ себя онъ не уронитъ,
Предательской слезы не выронитъ изъ глазъ.
Напротивъ! Призовётъ онъ на уста улыбку,

И радостный придёт на выставку людей,
 И на струнъ, всегда ему послушной, гибкой,
 Онъ забряंचитъ про радость прошлыхъ дней.
 И пѣснь его, разгульная, хмельная,
 Марочитъ прелестью ареопагъ невѣждъ,
 И звукамъ радостнымъ внимая,
 Они не зрятъ утраченныхъ надеждъ,
 Они не зрятъ, какъ въ мукахъ изнывая,
 Онъ молитъ смерть коснуться жаркихъ
 вѣждъ!

Онъ славить имъ и женщинъ и веселье,
 А самъ прискорбною, далёкою мечтой,
 Безпечной радости безумное похмелье,
 Онъ вспоминаетъ той порой.
 И тяжки для него души воспоминанья!
 «Былова» свитокъ испещрёнъ,
 Но въ нёмъ онъ не найдётъ отраднаго мечтанья;—
 Онъ былъ посмѣшищемъ!.... Онъ навѣкъ по-
 срамлёнъ!....

Онъ жертвовалъ любви часами вдохновенья,
 Насильственно отторгнутыхъ отъ сна,
 И чистой радости была душа полна,

Какъ въ грёзахъ онъ писалъ небесное видѣнье,
И было то видѣнiе — она!

Она — вездѣ она! Его стихи звучали,
Чтобъ мелькомъ обратить вниманье красоты;
Онъ чрезъ неѣ узналъ сердечныя печали,
Онъ ей дарилъ завѣтныя мечты,
Онъ пѣлъ еѣ!... Для ней онъ жаждалъ славы!
Онъ былъ рабомъ всепреданнымъ любви,
И ревность онъ узналъ — губящею отравой,
Она текла, какъ ядъ, въ его крови.

И всё прошло — сонъ чудный миновался!
За чѣмъ-же вспоминать минувшаго обманъ?
Кто съ радостью однажды распрощался,
Тотъ дописалъ свой жизненный романъ, —
Но до конца онъ вытерпитъ всё муки,
И предъ бездушною, насмѣшливой толпой,
Онъ рѣзвые ещё исторгнетъ звуки —
Не измѣнить себѣ, ни словомъ, ни слезой!

Онъ тотъ-же для толпы! Онъ пытку чувствъ
скрываетъ
На днѣ испытанной, стоической души.

И если слёзы онъ порою проливаетъ,
То проливаетъ ихъ украдкою, втиши.
Онъ тотъ-же для толпы! Весёлый, не надменный,
Какъ прежде, какъ всегда, безопасно онъ поётъ,
Но въ тишинѣ ночей, коленнопреклоненный,
Онъ молится, да смерть скорѣ низойдѣтъ,
Да, укротить она тяжелья волненья,
Да, усмирить она безумную любовь,
И на крылахъ послушныхъ вдохновенья,
Мечтой летить къ минувшему онъ вновь...

XIII.

КАВКАЗЪ.

Цѣпью длинной, безконечной
И на сквозь прозрачной мглы,
Какъ туманы вѣковѣчно,
Гордо высятся скалы.
Какъ-бы призраки ночные,
Исполиновъ будто строй,
Здѣсь громады ледяныя
Придавили мѣръ собой.

И зубчатыми главами
Всѣ стремяся въ небеса,
Спорить съ вихрями, грозами
Ихъ могучая краса.
И съ надменностью взираетъ
Въ сводъ лазоревый утѣсъ;
Будто громаы призываетъ,
Гордо голову вознёсъ.

И повиснувъ надъ землёю,
Землю хочетъ раздавить ;
Къ небу вспрянувъ головою,
Мыслить небо онъ закрыть.
Такъ во храминѣ Востока,
Будто въ воздухѣ стоитъ,
Гробъ великаго Пророка
На магнитъ вѣкъ виситъ.

И обломки ужъ сѣдые,
Острогрудыя скалы,
Лани гдѣ живутъ младыя,
Гдѣ гнѣздятся лишь орлы,
Какъ и прежде, величаво
Неприступныя стоятъ ;
Только годы съ пышной славой
Ихъ чело собой браздятъ.

Но минуются и годы
И столѣтїя пройдутъ,
И возвысятся народы,
И народы упадутъ ;
Но какъ прежде, поясъ длинный

Скаль печальныхъ устоитъ,
И ничто не сокрушитъ
Міра памятникъ пустынный!

СПбГУ

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Бывало; предо мной, въ часы моихъ мысленій
 Вставали призраки давно-минувшихъ дней —
 И разгаралась страсть, и пламень вдохновеній
 Кипѣлъ въ груди моей часъ-отъ-часу сильнѣй.
 И было душно мнѣ, — и сердце сильно билось;
 Но я доврчиво ввѣрялъ судьбѣ себя:
 Грядущее моё такъ ярко золотилось!
 Какъ могъ-бы за него тогда страшиться я? —
 Мнѣ было ново жить; мнѣ были чувства новы;
 Сквозь призму «чуднаго» я въ будущность глядѣлъ:
 За свѣтской мишурой, скрывалися оковы
 И юноша, — какъ юноша, я пѣлъ!

Но нынѣ, пѣсень нѣтъ; въ углу забыта лира.
 И не касается до ней моя рука;
 Они прошли на-вѣкъ дни счастья и мира.
 И завладѣла мной угрюмая тоска!
 Мнѣ стало тяжело жить; мнѣ стали пѣсни въ
 тягость;

Бывалымъ помысламъ узналъ всю цѣну я:

Прошла, прошла, какъ дымъ, утраченная младость

И чары прошлыхъ лѣтъ безсильны для меня.

Извѣдалъ я вполнѣ, что въ жизни только горе,

Что слава и любовь — одинъ пустой обманъ:

И будущность моя коварна, будто море

И тяжкій крестъ, судьбой, въ удѣль мнѣ данъ!

29 Января 1837.

Видали-ль вы? какъ окружёнъ горами,
Воспрянувъ царственной главой,
Стоитъ Эльборусъ въковой,
Одѣтъ ледяною корою,
Покрытый вѣчными снѣгами? —
Онъ на обломки дикихъ скалъ,
Надменный, съ гордостью взираетъ
И, какъ алмазь, блеститъ, сверкаетъ
Его столь радужный кристалъ;
Онъ Феба освѣщёнъ лучами,
Его онъ пурпуромъ облить;
Чело увѣнчано громами,
Оледенѣлъ его гранитъ,
Великъ, могучъ! — Гигантъ державный
Стоитъ туманнымъ божествомъ; —
Гроза иль тишь — онъ тотъ-же славный,
Онъ превышаетъ всѣхъ челою!

Такъ и поэтъ! — передъ толпою
Онъ горделивъ и одинокъ,
Въ мечтахъ поникнувъ головою,
Какъ увядающій цвѣтокъ.
Вокругъ него народъ толвится,
Ему бессмысленно дивится;
То рукоплещеть, то молчитъ,
То вдругъ, неистовый, свиститъ.
А онъ поётъ, — поётъ прекрасно,
И пѣсни звучныя его
Текутъ и стройно и согласно,
Полны сочувствій для него.
Любовь, отчизна, вѣрность, слава,
Всё отголосокъ въ нёмъ найдётъ
И на устахъ дрожить октава
И вдохновенный, онъ поётъ.

« О чёмъ брянчить, чему насъ учить?
Твердить толпа въ душъ своей,
« За-чѣмъ сердца волнуешь, мучить,
« Какъ своенравный чародѣй? —
А онъ поётъ — и пѣсни льются,
Журчатъ, бѣгутъ, какъ-бы потокъ,

И вдохновенія несутся,
 Какъ лёгкій по морю челнокъ;
 А онъ поётъ — и свѣтъ принимаетъ
 Его напѣвамъ и страстямъ,
 За нимъ въ міръ горній улетаетъ,
 Какъ конь на волю, по степямъ; —
 А онъ поётъ; — но вдругъ прерванный,
 На-вѣки смолкнулъ дивный гласъ;
 Пѣвецъ лежитъ ужь бездыханный;
 Пѣвца другаго нѣтъ у насъ!

Скажи-же ты, пѣвецъ погибшій,
 Скажи: возвышенный пѣвецъ,
 Кому ты передалъ вѣнецъ,
 На головѣ твоей почившій?
 Кто, кто наследникъ нынѣ твой?
 Кому державною рукой
 Вручилъ ты скипетръ чудной власти,
 Воспламенять живыя страсти? —
 Кому предъ смертью завѣщаль
 Чудесный даръ ты пѣснопѣнья,
 И неземныя вдохновенья
 И поэтическій фіаль?
 Кто нынѣ избранный тобою?

Кому дивиться долженъ свѣтъ?
Предъ кѣмъ склониться головою?
По тихо всё!.... Отвѣта нѣтъ!....

ТОВАРИЩУ.

Не спрашивай меня, о чёмъ я вѣкъ мечтаю,
За-чѣмъ товарищъ твой всё грустенъ, молчаливъ;
За-чѣмъ, задумчивый, я только что вздыхаю,
Къ губительной тоскѣ я почему ревнивъ?

Не спрашивай меня, за-чѣмъ оргія ваша,
Для васъ весёлая, меня лишь тяготитъ;
За-чѣмъ виномъ, мой другъ, напѣненная чаша
Своею влагою меня не оживитъ?

Повѣрь: ты не поймёшь души моей страданья,
Мечтательность мою, товарищъ, не поймёшь,
И думы грустныя, унылыя мечтанья,
Безумецъ! глупостью быть можетъ назовёшь.

Не возмущай-же ты вопросами пустыми,
Печальную восторженность души
И помышленьями весёлыми, земными,
Ты не разстроишь гармонію тиши.

XVII.

ЦИРЦЕЪ.

Такъ, вижу я—я ошибался:
Кокетствомъ вашимъ завлечёнъ,
Я съ незапамятныхъ времёнъ
Мечтамъ безумнымъ предавался;
Я никому не довѣрялъ
Весь пылъ любви неугасимой;
Порою плакалъ и страдалъ,
И стонъ тоски невыносимой
Однимъ стихамъ передавалъ.
Безумецъ! вѣруя надеждъ,
О дняхъ былыхъ я забывалъ
И слухъ о томъ, «что было прежде»,
Какъ ложный слухъ, я отвергалъ.

Душою слабою и нежной,
Покорный роковымъ мечтамъ
И полный страсти безнадежной,

Предъ вами жёгъ я ѳиміамъ.
Я былъ готовъ, — и каюсь въ этомъ, —
У вашихъ ногъ, какъ рабъ, лежать,
Глядѣть вамъ въ очи и вздыхать
Жеманнымъ, приторнымъ поэтомъ.

Но, слава-Богу, я прозрѣлъ —
И спала съ глазъ моихъ повязка,
Но не кинжалъ любви развязка,
Презрѣнье — вотъ ея удѣль!
Такъ, излечился я; отнынѣ
Опять свободенъ, воленъ я,
И сердца въ горестной пустынь
Убита лютая змѣя.

Пускай другой искатель бѣдный
У вашихъ ногъ теперь лежитъ,
И, мучимъ ревностію, блѣдный,
Вздыхаетъ, плачетъ и молчитъ.
Но я... я съ вами развязался,
Я отступаюся отъ васъ:
И въ страшный разставанья часъ,
Вы видите, «я живъ» остался.....

Но вы! Побѣдой вы гордились ;
Мой стихъ такъ лестно вамъ звучалъ,
Онъ слухъ балованный ласкалъ:
Онъ торжество напоминалъ ;
И вы стихомъ моимъ кичились.
Но тщетень ранній вашъ восторгъ ;
Я не привыкъ прощать обиды :
Я изъ души вамъ гимнъ исторгъ —
Но есть и гимнъ у Немезиды!

Теперь прощайте навсегда!
Рукою дерзкой, позлащенной,
У вашей двери оцѣненной
Не постучусь я никогда:
На ложе хлада и стыда
Не возведу я васъ надменно.

Но знайте: есть всему конецъ.
Пройдетъ и блескъ и слава ваша,
И горечи вамъ дается чаша,
И потускнѣетъ вашъ вѣнецъ :
И на чель, ужь не прекрасномъ,

Но лишь безстыдно - сладострастномъ,
Разврата леную печать,
Всѣ стануть съ ужасомъ читать!

МИНУТЫ ВДОХНОВЕНІЯ.

Когда мы женщину душою пылкой любимъ
И сердце полное ей въ жертву пепелимъ,
Въ тоскъ убійственной младые дни мы губимъ,
Но образъ дѣвственный всё на сердце хранимъ;
Когда намъ женщина блистательнымъ кумиромъ,
Когда стоимъ предъ ней коленно-преклона,
Разсталися для ней съ спокойствіемъ и съ миромъ,

Себя въ холодности виня ;

Когда мы женщину «чудеснымъ» увѣнчали,
Запрѣтное «люблю» мы вымолвили ей,

Улыбкѣ, взгляду взревновали

И ризмой звучной сочетали

Любовь и блескъ ея очей: —

Тогда въ душѣ пылаетъ вдохновенье,

Въ груди кипитъ его вулканъ,

И силы творчества понятно намъ значенье,

И пламенный восторгъ намъ справедливо данъ.

Но если, вдругъ соскучась тяжкой долей,

Любовь безумную кляня,

На вѣкъ простимся мы съ неволей,
Себя въ пристрастїи вина ;
Когда потомъ, свободу лишь почуя,
Съ подножья свергнемъ свой кумиръ,
Впадёмъ въ развратъ неистово бушуя,
Забывъ восторговъ дивный міръ ;
Когда, порочные, мы местию запылаемъ,
Сроднимся съ низкой клеветой,
Свой идоль грязью закидаемъ,
Надъ нимъ ругаясь той порой : —
Тогда отъ насъ отступятся Камены,
Отвергнуть грозныя нашъ гнусный өиміамъ,
И въ цѣломъ мірѣ, во вселенной,
Нѣтъ вдохновенья болѣ намъ !

ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Я васъ любилъ — и сновидѣнья
Ко мнѣ слетались толпой,
Я въ сердцѣ чуялъ вдохновенье,
Я жилъ восторженной душой!

Носился образъ вашъ предъ мною,
Мой стихъ хвалою вамъ звучалъ
И мощнымъ голосомъ, порою,
Ревнивый свистъ я заглушалъ.

Упавъ предъ вами на колѣни,
Я мыслилъ быть предъ алтарёмъ
И, притаивъ смиренно пѣни,
Я видѣлъ васъ лишь божествомъ!

Тянулись дни, тягчали муки;
Душѣ наскучило страдать:

Я жадно призывалъ часъ разлуки,
Я на себѣ сталь цѣпи рвать.

Мнѣ удалось: они низпали,
Я сталь свободенъ, Боже мой!
Но сердце грызли всё печали,
Исчезъ восторговъ смутный рой.

Молчить изнѣженная лира ;
Поникъ безчувственный пѣвецъ :
Меня тягчить холодность міра,
Безстрастью я зову конецъ.

Мои услышаны мольбы :
Какъ прежде вы предстали мнѣ ;
Я снова чую вдохновенье,
Я снова счастливъ въ тишинѣ.

Звучать забытыя октавы,
Блеснулъ душѣ бывалый свѣтъ ;
Я вновь фанатикъ вашей славы,
Вновь вашъ восторженникъ-поэтъ.

*

Даны мнѣ вновь ночныя грёзы ;
 Душа восторгъ узнала вновь, —
 И въ упоеньи лью я слёзы,
 Благословляю я любовь !

ОТРЫВОКЪ. (*)

Она актриса, говорятъ,
Въ ней всё поддѣльное, чужое,
И этотъ вздохъ и этотъ взглядъ,
Всё не своё, всё не прямое.
Въ ней нѣтъ ума, души въ ней нѣтъ,
Видна въ ней только тѣнь искусства,
Въ ней не найдётъ и искры чувства,
Предъ ней повергшійся поэтъ.
Она ужъ свыклася лукавить,
Своими чувствами играть
И васъ терзать, и васъ забавить,
И, одурачивъ, покидать;
Она безстрастна, горделива,
Она, какъ мраморъ, холодна,
И безотвѣтна, молчалива,

(*) Изъ недоконченной драматической-фантазіи «Лордъ Байронъ и Мистрисъ Сиддонсъ.»

Лишь обольщать научена.
Ей не понять души стремленья,
Ей чужды пламенный порывъ,
И неземныя вдохновенья,
И страсти жаркой бурный взрывъ!
Она безъ чувствъ и для укора,
Она какъ русская зима,
И ужь никто, теперь, позора,
Не властенъ сгладить съ ней клейма.»

А ты... ты женщинъ врагъ заклятый,
Ихъ пересмѣшникъ, ихъ злодѣй!
Кипучей страстью вдругъ объятый,
Челомъ склонился передъ ней; —
Стыдись!... ужели долгъ поэта,
Передъ дѣвчонкою сгорать;
Ее любить и ревновать,
Себѣ вымаливать привѣта? —
Ужель на то родился ты,
Чтобы всѣ помыслы, дѣянья,
Всѣ вдохновенья, всѣ мечты,
Ей въ жертву несть безъ содроганья; —
На сердцѣ ревность затая,
За нею слѣдовать глазами,

И записаться межъ рабами,
Забывъ всю сладость бытія?»

Стыдитесь мнѣ! — чего-жь? скажите,
И чѣмъ артистка хуже васъ?
Чего отъ ней, безумцы, вы хотите?
Что нужно ей ещё для вашихъ глазъ?

Въ ней есть душа, — душа святая,
Душа возвышенно - младая;
Но выше міра и страстей;
Въ ней разумъ есть; но разумъ смѣлый,
Въ порывѣ свѣтлыхъ думъ созрѣлый,
И геній мощный видѣнъ въ ней.

Она мила, какъ вѣшній лучъ денницы,
Она свѣтла, какъ блескъ златой зарницы,
Она чиста, какъ Серафимъ святой;
Какъ оміамъ, она благоухаетъ,
Какъ вѣтерокъ, мнѣ душу освѣжаетъ
Могучею, небесной красотой.

Её злословить клевета,
Её чернить развратникъ смѣлый;

Но нѣтъ, но нѣтъ, она чиста,
 Какъ Ангель свѣтлый, Ангель бѣлый! —
 Разврата видите-ль печать,
 Вы на чель ея прекрасномъ?
 Нѣтъ! въ взорѣ чистомъ, въ взглядѣ ясномъ,
 Следовъ порока не сыскать.
 Въ нёмъ проблескъ генія сіяетъ,
 Въ нёмъ виднѣнъ смѣлый, вольный умъ;
 Въ нёмъ непорочность освящаетъ,
 Порывы юныхъ, жаркихъ думъ —
 И вы её чернить хотите,
 Её позорить, клеветать!
 За что-жь, безумцы, вы скажете,
 За что вамъ ангела пятнать?

 За то-ль, что пышно разцвѣтая,
 Она прельстить умѣла васъ;
 О томъ не вѣдая, не зная,
 Васъ прожигали чары глазъ. —
 За то-ль, что гордо передъ вами,
 Какъ-бы кумирь она стоитъ,
 И съ высоты своей глядитъ,
 Какъ съ еиміамомъ и мольбами,
 Предъ ней толпа жужжить, шумить?

Или за то, что не-нарокомъ,
Она небесной чистотой,
Сна небесной красотой
Язвить невольнымъ васъ упрёкомъ? —

Вы низки; подлы передъ ней;
Вы червь ничтожный и презрѣнный,
Вы, какъ убійца потаенный,
Изподтишка лишь мстите ей;
Но я сорву личину вашу,
Я уготовлю кары часъ,
Я опрокину мщенья чашу
Безумцы гордые на васъ!.....

ВИНЬЕТКА.

Картина простая! не дивной рукою,
Но смѣлою кистью написана ты,
И мастеръ великій съ восторгомъ, съ тоскою
Тебѣ не отдастъ ни единой мечты.

Но я не художникъ! — и всѣ вдохновенья,
И думы святыя, порывы души,
И трепеть сердечный, и жаръ умиленья
Къ тебѣ принесу я съ мольбою втиши.

И что мнѣ картина? и что мнѣ художникъ?
И славное имя за-чѣмъ мнѣ оно?
Поэту не нуженъ блестящій треножникъ,
Людскаго восторга смѣшное звено!

Тебѣ удивляясь, я трепеть священный
Не кисти, писавшей тебя, подарю;

Не именовъ громкимъ, тогда вдохновенный,
Безмолвный, съ тоскою къ тебѣ я воззрю.

Тебѣ удивляясь, — бужу вспоминанья,
Далѣко гуляю всемошной мечтой
И призракъ знакомый, спутникъ мечтанья
Мнѣ снится летаетъ, парить предо мной.

И въ призракъ этомъ, тревожной душою,
Портреть! узнаю я твои все черты
И имъ я люблюсь, — люблюсь тобою,
И какъ-бы, сквозь дымку, мнѣ видишься ты!

XXII.

ФАНТАЗІЯ.

О чёмъ задумался пѣвецъ

Въ часъ предразсвѣтнаго тумана;

Въ какой летать, скажи, конецъ,

Мечты блестящаго обмана?

Не на роскошный-ли Востокъ,

Гдѣ въ сладострастьи утопая

И съ вѣрой пламенною въ рокъ,

Подъ бунчуками возсѣдая,

Паша угрюмый и сѣдой

Въ кіоскъ пѣстромъ, близъ фонтана,

Ласкаетъ дряхлою рукой

Всю гибкость дѣвственнаго стана?

Ужъ не туда-ль, скажи, пѣвецъ

Летишь ты пламенной мечтою,

Надѣвъ поэзіи вѣнецъ,

Обняться съ дѣвой молодою?

— Хорошь Востоку! въ томъ спора нѣтъ;

Люблю я тѣнь его гаремовъ,

Таинственный ихъ полу-свѣтъ

И мрачный видъ его улемовъ;

Люблю его, люблю Востокъ,

И радъ-бы быть я тамъ пашою! —

Одно бѣда! грозитъ шнурокъ

Сдружится съ пылкой головою.

О чёмъ задумался пѣвецъ

Въ часъ предразсвѣтнаго тумана;

Въ какой летать, скажи, конецъ,

Мечты блестящаго обмана?

Скажи мнѣ: радужной мечтой

Ужъ не на Югъ-ли ты летаешь,

Съ Адриатической волной

Въ боскетахъ миртовыхъ играешь;

Или при звукахъ баркароль,

Исполненъ роскоши и лѣни,

Скользишь на Brentъ межъ гондолъ,

«Былова» вызывая тѣни?

Ужь не туда-ль, скажи, пѣвецъ,
 Летишь ты пламенной мечтою,
 Надъвь поэзіи вѣнецъ
 Дышать Италіей святою?

— Люблю я Югъ! въ томъ спора нѣтъ,
 Люблю Италіи священной
 Воспомианья прошлыхъ лѣтъ
 И Римъ хоть падшій, но надменной;
 Люблю царицу я морей
 Съ поникшимъ Львомъ святаго Марки;
 Одно бѣда! во тмѣ ночей
 Кинжалъ грозитъ словамъ Петрарки!

О чѣмъ задумался пѣвецъ
 Въ часъ предразсвѣтнаго тумана,
 Въ какой летять, скажи, конецъ,
 Мечты блестящаго обмана?

Ужь не на Западъ-ли, во снѣ,
 Въ Парижъ, попалъ пѣвецъ случайно;
 Каковъ-же онъ, скажи, ты мнѣ,

И что къ нему влечётъ насъ тайно?
Не въ драгоценныхъ-ли вѣнцахъ
Поэты лавры тамъ стяжаютъ,
И въ гармоническихъ словахъ
Свободу вольно воспѣваютъ?

— Ужь не туда-ль, скажи, пѣвецъ
Летишь ты пламенной мечтою,
Надѣвъ поэзи вѣнецъ,
Забыться радостной душою?

— Люблю я Западъ! спора нѣтъ,
Люблю роскошную столицу,
Парижъ — Лютецію древнихъ лѣтъ,
Европы дряхлой чаровницу;
Люблю его! всё дивно тамъ,
Въ весельяхъ годы протекаютъ,
Одно бѣда! златымъ мечтамъ
Конецъ тамъ бунты предрекаютъ.

О чёмъ задумался пѣвецъ
Въ часъ предразсвѣтнаго тумана,

Въ какой летать, скажи, конецъ
Мечты блестящаго обмана?

Ужь не на Сѣверь что-ли ты,
Летишь на крыліяхъ мечтанья,
Спасти тамъ бѣдные цвѣты
Отъ хладныхъ вьюгъ и замерзанья? —
Тамъ вѣтра слышенъ только вой,
Тамъ снѣгъ всю землю покрываетъ,
Одѣтъ ледяною корой
Въ снѣгахъ своихъ онъ замерзаетъ.

Ужь не туда-ль, скажи, пѣвецъ
Летишь ты пламенной мечтою,
Надѣвъ поэзіи вѣнецъ,
Озябнуть пылкою душою?

— Холоденъ Сѣверь! спора нѣтъ,
И вьюги страшно тамъ бушуютъ;
Но лишь туда летитъ поэтъ
Но лишь о нёмъ мечты тоскуютъ; —
Люблю его! къ нему душой

Стремлюсь въ кругу моихъ мечтаній,
Увидѣть городъ мнѣ родной,
Вдохнуть всю прелесть воспоминаній.

Ужь не задумался пѣвецъ
Въ часъ предразсвѣтнаго тумана,
И совершились наконецъ
Мечты блестящаго обмана!

XXIII.

ПАМЯТИ НЕЗАБВЕННАГО.

Сегодня годъ, какъ онъ почилъ
Среди безмолвныхъ сожалній ;
Угасъ, угасъ нашъ чудный геній,
Какъ погасаетъ дымъ кадилъ
Средь ароматныхъ испареній!
Его ужъ нѣтъ!... сокрылся онъ.....
И обдалъ насъ житейскій холодъ:
Такъ тяжкой опытности молотъ
На вѣки рушить жизни сонъ.
И гдѣ святыя вдохновенья?
Гдѣ эти звуки и мечты?
Гдѣ, гдѣ бывалыя томленья?
Ихъ нѣтъ! ихъ нѣтъ!..... унёсъ ихъ ты,
И мы, безмолвные, рыдая,
Твои поминки лишь творимъ,
Печально воздухъ оглашая,
Святыя звуки мы твердимъ ;

Но боль нѣтъ намъ наслажденій,
Не оживить насъ лиры гласъ :
Угасъ, угасъ нашъ чудный геній,
.....

СЛОВО

Въ нёмъ сердце, какъ въ степи пустынный,
ветхій храмъ,
Гдѣ вѣтса мрачный плющъ, межъ трещинъ,
по стѣнамъ,
Гдѣ бури и гроза пристанище имѣютъ,
Гдѣ нѣтъ ужь божества, — гдѣ смертные робѣютъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Разгнѣваннымъ Зевсомъ на казнь обреченный,
На темъ Кавказа повисъ Прометей;
За чувство, за мысли, за подвигъ надменный
Онъ преданъ суровой судьбинѣ своей.
У ногъ его бездны, лазурь надъ главою,
Всѣ мрачно, пустынно, безмолвно кругомъ,
Лишь жалобно вѣтеръ простонеть порою,
Какъ-будто бесѣду ведётъ съ ковылёмъ.

Вотъ воронъ, — почуя добычу, — голодный
Несѣтся на жертву — и клѣвомъ клюётъ,
И крылья на груди сжимаетъ онъ злобно,
И мощное тѣло когтями дерётъ. —
Уста помертвѣли, глаза закатились,
И глухо клокочетъ страдальческій стонъ,
И лютыя муки въ чертахъ отразились;
Но, стойкій, не молить, не сътуетъ онъ.

Онъ тотъ-же надменный! гордится мученьемъ,
Себя не унижить бесплодной мольбой
И шлётъ громовержцу проклятья съ презрѣньемъ
И дерзко смѣется надъ карою злой.
Онъ тайную радость въ терзаньяхъ находитъ,
Онъ силится раны свои растравить
И гордо очами окружность обводитъ
И муками мыслить онъ свѣтъ удивить!

Удѣлъ Прометея! — ты участь поэта:
Какъ ты, онъ страдаетъ,—но страдаетъ душой,
Какъ ты одинокъ онъ, хоть въ вихрѣ онъ свѣта,
И въ спорѣ онъ вѣчною съ жестокой судьбой.
Привычныя муки онъ самъ вымышляетъ;
Но сердце — не воронъ — сомнѣнье грызётъ,
Съ усмѣшкою злобной онъ свѣтъ проклинаятъ;
А послѣ мученья свои онъ поётъ.

Онъ ими гордится, душой къ нимъ привязанъ,
Но ихъ онъ не ставитъ толпѣ на показъ,
И съ ними онъ цѣпью таинственной связанъ,
И ихъ проклинаятъ, лелѣетъ за-разъ.
Умъ скорбный волнуютъ, терзаютъ сомнѣнья,

Поэтъ изнываетъ подъ тяжестью мукъ,
Но въ сердцѣ пылаетъ огонь вдохновенья,
И вотъ излетаетъ чарующій звукъ.

И звуки рождаются, растутъ и сливаются
Въ гармонию бури проклятыя пѣвца,
Въ прекрасную форму её облакаютъ
И адской мелодіи нѣтъ и конца;
Но въ музыкѣ этой всѣхъ скорбей забвенье
И ею утѣшенъ страдалецъ - пѣвецъ:
То выкупъ мученій, залогъ наслажденья,
Толпы прихотливой — блестящій вѣнецъ!

XXVI.

И Т А Л І Я.

Фантазія.

I.

Италія! руина вѣковая,
Священная Торкватова' земля,
Поэзіи отчизна дорогая,
Передъ тобой клоню колѣно я!

II.

Страна могиль, любимица природы;
Гдѣ Данте — мученикъ свободы,
Свой «Адъ» въ терзаніяхъ воспѣлъ, —
Я о тебѣ мечталъ въ молодые годы,
И въ шумѣ бурной непогоды
Къ тебѣ фантазіей летѣлъ.

III.

Какъ часто ты, хранилище преданій,
Въ полуночной, печальной тишинѣ,

Сквозь призму «чуждаго», въ кругу живыхъ
мечтаній
Видѣлась мнѣ въ роскошно-жаркомъ снѣ.

IV.

И мнилось: брань грозила роковая,
Звучали смертью знамена;
Ярѣмь на мѣръ свободный налагая,
Какъ ярый громъ по небу протекая,
Стремилась лютая война.

V.

И мѣръ дрожаль! И унывая
Смотрѣль съ боязнью на тебя; —
Но встала новая заря,
И у подножій алтаря,
Зажглася вѣра трисвятая. —

VI.

И знамя въ прахъ; — хоругвь другая,
Весь мѣръ собою осѣняя,
На небѣ чисто-голубомъ
Блеститъ спасительнымъ крестомъ!

VII.

Привѣтъ тебѣ! о городъ семи-холмный,
Развѣнчаный, державный властелинъ,
Воспоминаньями прошедней славы полный
Стоишь теперь ты, горестный, одинъ! —
Но гордый славой и понынѣ,
Своей покорствуя судьбинѣ,
Ты будто ждѣшь, чтобы опять,
Законъ народамъ предписать.

VIII.

И вижу я: густой толпою
Народъ волнуется, кипитъ;
На Форумъ онъ стремглавъ бѣжитъ, —
За-чѣмъ? — Съ кафедры предо-мною
Ихъ Цицеронъ теперь гремитъ!

IX.

Гремитъ онъ противъ честолюбца,
Караеть распри и раздоръ;
Онъ Римъ спасаетъ отъ безумца,
Онъ Катилинѣ шлетъ укоръ

X.

И тотъ дрожить, и тотъ блѣднѣть;
Противостать ему не смѣть —
И силой слова поражёнъ,
Онъ весь разстроёнъ и смущёнъ
Передъ ораторомъ робѣть.

XI.

И въ страхъ онъ спѣшитъ домой;
Побѣгъ залогъ его спасенья;
Но разъярённою толпой
Онъ окружёнъ — и предо-мною
Падётъ онъ жертвой примиренья!

XII.

Другіе дни! предъ клубукомъ
Смирясь строптивою душою,
Во имя Бога той порою,
На свѣтъ ты снова мещешь громъ,
И съ новой властію знакомъ,
Ты полонъ думою людскою;
То анаемой, то крестомъ
Имъ правишь мощною рукою.

XIII.

Но Лютеръ всталъ! — Зовётъ онъ свѣтъ,
Судьёю быть ихъ состязанья,
И передъ мужемъ дарованья
Во прахъ гордыня многихъ лѣтъ. —
Тиары блескъ, ея сіянье
Толпы кромольный поруганье!

XIV.

Вѣкъ полонъ думою о власти;
Чтобъ міромъ снова управлять,
Чтобы законъ ему давать,
Ты взбунтовалъ его всѣ страсти,
Искуства факель засвѣтилъ,
Имъ дряхлый міръ ты озарилъ,
Его наполнилъ новой славой,
Вѣнчалъ Торквата, звалъ пѣвцовъ,
Чтобъ гармонической октавой
Почтить гробницы всѣхъ вѣковъ.

XV.

И полотно и мраморъ стали
Тебѣ орудьемъ вмѣсто стали;

И ветхій снова данникъ твой
И ты опять его главоу!

XVI.

Сужденный властвовать надъ міромъ,
Мечёмъ, искусствомъ иль крестомъ,
Ты вѣчно былъ его кумиромъ,
И вѣчно былъ его врагомъ.
Тебѣ сдружившимся со славой,
Въ дни славы, плача и стыда,
Дались надежды величавы,
Мелькнула новая звѣзда!

XVII.

Порабощёнъ грозой военной,
Тебя покинулъ Пій-шестой,
Когда орёлъ иноплеменный,
На Ватиканъ его надменный
Ступилъ могучею пятой.

XVIII.

Омрачены святыя лики,
Погасъ душистый оиміамъ,

И лишь воинственные клики
Собою будят Божій храмъ.

XIX.

Римъ приуныль; — въ тоскѣ, въ моленъ,
Онъ мнитъ обрѣсть себѣ спасенье;
Онъ призываетъ всѣхъ Мадонъ,
Кладѣтъ поклонъ онъ на поклонъ,
И ждѣтъ: ужель насталь конецъ,
Ужель померкъ его вѣнецъ?

XX.

Герой вѣковъ, сынъ грозный рока,
Избранный бичъ — Наполеонъ,
Гроза царей, къ толпѣ жестокой,
Въ надеждѣ можетъ-быть далёкой
Возобновилъ твой шаткій тронъ.

XXI.

Дитя порфиною даруя,
На славу звалъ онъ твой народъ;
Но поздно! — Русскій негодюя
Двѣнадцатый готовилъ годъ, —

И въ прахъ гигантова статуя,
И властолюбца хищный родъ !

XXII.

И снова ты, трикратъ священный,
Владыкъ въ рясъ возвращёнъ ;
Умолкъ на долго шумъ военный,
Воздвигнуть снова крестъ нетлѣнный,
Римъ горделивый оживлѣнъ.

XXIII.

Но долго-ль будетъ онъ свободнымъ ;
Но долго-ль будетъ ликовать ;

.
.
. ,

XXIV.

Кто знаетъ то ? Ужель возможно,
Судьбу народовъ разгадать ;
Когда на свѣтъ всё такъ ложно,
Законъ святой и непреложный
Умомъ кичливымъ прочитатъ ?

XXV.

Но мнится мнѣ, что часъ паденья,
 Ужь скоро, скоро прозвучить,
 И геній смерти, разрушенья
 Надъ нимъ таинственно парить.

XXVI.

И онъ придѣтъ тотъ часъ печальный;
 Раздастся голосъ погребальный,
 Возстанутъ Папы и Цари,
 Миеологической зари,
 Не баснословные всё лица,
 И Бруть-герой, и Бруть-убійца,
 Помпей, Ріензи, Сципіонъ,
 Витіеватый Цицеронъ,
 И Кесарь весь окровавленный,
 И Гильдебрандтъ всегда надменный,
 И этотъ Сикстъ — гроза Царей,
 Народовъ, вѣка и людей!

XXVII.

.....

.
.
.
.
.
.

XXVIII.

Но всё-ль ещё? — Ужель судьбою,
Ты Лотарингамъ обречёнъ,
И только цесарской враждою,
Въ своёмъ грядущемъ угрожёнъ?

.
.
.
.

XXIX.

Страшися Римъ, страшися могучій!
Враждой отвсюду окружёнъ,
Тебъ грозить рокъ неминучій,
Грозить съ настойчивостью онъ;
Но благъ Господь — и можетъ-статься

Тебя минуетъ ураганъ,
И долго будешь красоваться
Священный градъ волшебныхъ странъ.

XXX.

Привѣтъ тебѣ морей царица;
Адриатическихъ зыбей,
И днесъ все таже чаровница,
Хоть власть утратила морей.

XXXI.

Привѣтъ тебѣ!... мечтою дальной,
Давно къ тебѣ стремлюся я;
Давно по влажности зеркальной
Въ мечтахъ плывётъ моя ладья.

XXXII.

Въ душѣ моей ещё всё живы,
Дьянья Дожей всѣхъ твоихъ,
Совѣтъ кровавый и строптивый,
Ко власти тягостной ревнивый, —
И ночью приговоры ихъ.

XXXIII.

Всё, всё живёт! — Въ мечтѣ игривой,
Каналь Орфано предо-мною,
И озарённый чуть луной
Давно уснулъ градъ нечестивой.

XXXIV.

И тихо всё! ладья одна
Каналь во мракъ разсѣкаетъ ;
Куда-жь спѣшить? за-чѣмъ она,
Вдали печальной исчезаетъ?

XXXV.

Не гондольеръ то молодой, —
Не слышенъ мнѣ напѣвъ родной,
И не синьора молодая,
Подъ маской лёгкою скрывая
Свое лицо, одна спѣшить,
Досугъ съ синьоромъ разделить.

XXXVI.

Ладья плывётъ, луна мерцаетъ ;
Невольный страхъ меня проникъ ; —

Но ну!.... я слышу слабый крикъ;....
То не волна о брегъ плескаетъ!

XXXVII.

И вотъ опять! откуда онъ,
Сей прерывающійся стонъ?
Ужель надъ влагою морской
Обрядъ свершился роковой? —

XXXVIII.

Но смолкло всё! — О томъ лишь знаетъ
Палачъ, и сбирь и луна,
И тайну ту, отъ насъ скрываетъ
Среброкипучая волна.

XXXIX.

Будь намъ заступницей Мадона;
Отъ сбирь будь намъ оборона!

XL.

Всё, всё живётъ! Палачъ и казни,
Ночныя пытки и боязни;
Святаго Марки Левъ златой,

Твой флагъ надъ влагою морской,
 Твои древнѣйшія преданья,
 Твои побѣды, злодѣянья,
 Твое коварство, хитрый умъ,
 И горделивость скрытныхъ думъ,
 И алчность злобная, и мщенье,
 И стыдъ, и кровь, и преступленье,
 Фальери бѣдный и съдой,
 Съ окровавленной головой,
 Цареубійство — и потомъ
 Орель Австрійскій надъ дворцомъ!

XLI.

Свершился судъ! — Насталь часъ мщенья;
 Раздался голосъ неземной, —
 И уже знакъ порабощенья
 Надъ дерзновенною главой
 Простерть могильной пеленой.

XLII.

О чёмъ-же знакъ сей униженья,
 Гласить народамъ и вѣкамъ?
 Какъ разгадать его значенье?
 Гдѣ смыслъ таинственнымъ словамъ?

XLIII. XLIV.

XLV.

Безвѣстно то; — по путникъ дальной,
Носяся думою печальной,
Въ бытописаніи твоёмъ;
Со вздохомъ молвить здѣсь о нёмъ:
Тому давно была столица,
Морей надменная царица,
Венецья — было имя ей; —
Краса полуденныхъ зыбей;
Она могуществомъ блистала,
Законы Кесарямъ давала;
Но пала тоже и она;
Цареубійца казнена; —
Свершёнъ правдивый приговоръ,
Её настигъ уже позоръ!

XLVI.

Взойдѣтъ-ли новая денница,
На твой туманный небосклонъ?
Узришь-ли падшая царица,
Какъ освѣтится снова онъ; —

Какъ пышнымъ блескомъ поражая,
 Вскипитъ опять волна морская,
 Когда твой Дождь опять съ вѣнцомъ,
 Вновь обручится съ ней кольцомъ?

XLIII.

Или моленія — напрасны:
 Святаго Марки грозный Левъ,
 Врагамъ твоимъ всегда ужасный,
 На вѣкъ сомкнулъ могучій зѣвъ; —

.

XLVIII.

Такъ, по ночамъ фантазіей игривой,
 Къ тебѣ лечу пылающей душой; —
 На мигъ опять твои преданья живы,
 И въ тишинѣ ихъ прахъ краснорѣчивый,
 Мнѣ говорить о бренности людской.

XLIX.

Они встаютъ вѣка преданій,
 Вѣка почившіе давно,

Вѣка могучихъ воспоминаній, —
 Всѣ въ нихъ величія полно! —
 Покрыты пылію забвенья,
 Они стряхнувъ её, — предъ-мною
 Какъ-бы глашатай провидѣнья,
 Вдругъ развернули свитокъ свой. —

I.

И полонъ грусти, и печали,
 Мечтой прискорбной завлечёнъ,
 Смотрю съ тоской я на скрыжали,
 Давно забытыхъ ужъ времёнъ. —
 Вражды, убійства, поклоненій;
 Неразрѣшимое звено; —
 Какъ много было въ нихъ волненій,
 Ещё какъ много суждено!

II.

Забыты призраки ночные,
 И Брента полная гондоль;
 Гребцовъ напѣвы удалые,
 И звуки стройныхъ баркароль; —
 Забыто всё! — Душа крушится,
 Душа бользнуеть, томится;

Но всё полна твоей красой,
Къ тебѣ привѣтъ сердечный свой,
Она со вздохомъ посылаетъ ; —
Гонца съ слезами провожаетъ ;
Но никогда вельдъ за гонцомъ,
Не полетитъ къ тебѣ орломъ.

III.

Люблю я Русь! — Ея мятели,
Снѣга, и вьюги и морозъ,
Со мною свѣчны съ колыбели; —
Я къ нимъ привыкъ, я съ ними взросъ! —
Они мои! — Я къ нимъ привязанъ,
Въ нихъ слышу голосъ я родной; —
На жизнь и смерть я съ ними связанъ:
Я Русскій сердцемъ и душой!

ОГЛАВЛЕНІЕ

-
- Посвященіе.
- I. Вдохновеніе.
- II Замогильный голось.
- III Стансы.
- IV Скала.
- V Поэть.
- VI Раздумье.
- VII Новгородъ.
- VIII Элегія.
- IX Два чувства.
- X Признаніе.
- XI Сестръ.
- XII Отринутый поэть.
- XIII Кавказъ.
- XIV Разочарованіе.
- XV 29 Января 1837 года.
- XVI Товарищу.
- XVII Царцеъ.
- XVIII Минуты вдохновенія.
- XIX Возрожденіе.
- XX Отрывокъ.

- XXI Вишетка.
- XXII Фантазія.
- XXIII Памяти незабвеннаго.
- XXIV Подражаніе.
- XXV Прометей.
- XXVI. Италія.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
Библиотека им.
Ломоносова

СЛОВА

С176Г7

[13p]

С17617